

Григорий Борзенко

РАЗРУШЕННЫЙ РАЙ

1

Удивительные вещи порой случаются в жизни, которые иной раз не может родить даже мысль самого плодовитого писателя-фантаста. Сидит, бедняга, в своем кабинете, усиленно трет виски, придумывая сюжет для своего очередного творения, а за окном в это время происходят события, которым нельзя не удивляться, которые можно было бы смело брать за основу сюжета и садиться за пишущую машинку. Как вы, скажите, отнесетесь к такому кульбиту, случившемуся на самом деле? Давным-давно терпящие бедствие моряки бросили в море бутылку, в нее, прежде чем закупорить и залить сургучом, вложили записку, в которой взывали о помощи, упоминая и Господа, и своих родных и близких, находящихся за много тысяч миль. Проходили годы, десятилетия и, в конце концов, эта бутылка была выброшена на берег, причем не куда-нибудь, а именно на родной берег и попала в руки сразу же едва ли не самым близким родственникам и потомкам тех, кто писал это послание! Я бы, признаться честно, если бы даже и придумал такую историю для своей книги,

никогда бы не решился изложить сие на бумаге, боясь быть осмеянным читателями: мол, о выдумщик! Фантазер! Реальная жизнь, тем не менее, доказала, что в этом мире есть место самому невероятному действию.

Так, может быть, и мы не станем просиживать в кабинете, выдумывая сюжет для этой книги, а сами пойдем на его поиски? Воспользуемся упомянутой выше морской почтой! Конечно, сосуд нам потребуется побольше, нежели обыкновенная прозаическая бутылка, да и харчем нужно запастись на славу, поскольку путь предстоит долгий и длинный.

Итак, позади остались берега матушки-Европы. Канарское течение увлекает нас на юг, и мы только и успеваем различать мелькнувшие вдали берега островов Мадейра да Зеленого Мыса. Поболтав нас на волнах в районе Северо-Атлантического хребта, Канарское передает свою эстафету Гвинейскому течению и мы, любуясь прибрежными красотами Африканского материка, устремляемся дальше на юг. С силой западных ветров приходится считаться, они не дремлют. Они тут же подхватывают нашу посудину и увлекают ее на восток. Мыс Игольный, острова Кергелен, Австрало-Антарктическое поднятие — все это вскоре оказывается позади, и мы, уже порядком измученные бесконечной болтанкой,

увидев впереди остров Тасмания и берега Новой Земли, начинаем радоваться: наконец-то! Вот здесь-то мы наверняка, найдем что-нибудь интересное! А то ведь, сколько можно?!

Но нет! Судьба, видимо, решила испытать нас до конца. Она ясно дает понять, что приключения — это не только забавные истории и отдых под ласковыми лучами солнышка где-нибудь на теплом прибрежном песочке, это еще и невзгоды и лишения. Судьба и течение увлекают нас дальше, передавая эстафету Перуанскому течению. Нас не сильно радуют красоты величаво возвышающихся справа Анд, мы не отмечаем для себя, что в это время минуем Чилийский, а затем и Перуанский желоб, наши мысли заняты иным — под нами Перуанская котловина! Сознание того, что там, под самыми ногами такая громадная водная толща, и случись что-либо...

Восточно-Тихоокеанское поднятие позволило перевести дух совсем на короткое время, поскольку Северо-Восточная котловина, по водам которой нас теперь гнали волны, снова проняла наше сознание жутким дыханием бездны! Надоело! Хотим на твердую землю! Не нужно нам приключений! Не хотим! Верните нас в уютные кресла у домашних каминов, да дайте любимый плед, который так хочется набросить на усталые ноги!

Нет! Судьба, все-таки решила, сжалиться над

нами! Вдали показались берега какого-то острова! Господи! Если бы нас выбросило на берега этого острова — какое это было бы счастье! С затаенной в груди радостью мы замечаем, что к тому, видимо, идет: волны несут нас прямо к суше. Очертания ее берегов все отчетливее прорисовываются на горизонте, вершины гор все величественнее возвышаются над водной гладью. Вот земля все ближе и ближе, можно уже детально осмотреть берега, да и вообще внешний вид всего острова. А он, нужно признать, необычный. Над всем островом возвышается одна высоченная гора, которая на самой своей вершине раздваивается, словно какой-то великан, невероятных размеров и силы, своим огромнейшим мечом взял да и, шутки ради, рубанул сверху по вершине горы, раздвоив при этом ее верхушку.

Что же это за чудный остров такой?! Развернув карту, мы с огромным удивлением для себя замечали, что на карте этого-то острова и нет! Однако! Мы еще и еще раз измеряем свое местоположение: все верно! Исходя из карты, под нашими ногами и впереди нас на огромнейших просторах вокруг должна находиться неимоверной глубины толща Северо-Восточной котловины! Чудеса! Возможно, это какое-то видение, а возможно, мы открыли новый, неведомый раньше остров?! Как он красив! Буйная зелень,

обрамляющая подножие горы, к ее верхушке все больше редела и редела, а на самых кончиках двух каменных языков-разветвлений и вовсе заканчивалась, уступая место царствованию камня. Оба окончания, венчающие гору, напоминали две каменные стелы, подпирающие небо, как бы не давая ему упасть на остров и не раздавить там все живое, что может находиться на этом клочке суши. Кстати, обитаем ли он? Глядя на буйную растительность, конечно же, можно предположить, что всевозможного зверья и птицы здесь должно быть в избытке, а вот люди? Есть ли здесь они?

Наша посуда коснулась берега, мы ступили на прибрежный песок и тут же услышали отдаленный звук барабанов! Остров обитаем! Но кто это: друзья или враги? Как они отнесутся к нашему появлению? Хотя, что значит: друзья или враги? Почему они, собственно, должны бросаться к нам с радостными криками и объятиями? Кто мы для них такие? Возможно, они долгие века жили здесь, в своем уютном мирке, в дружбе и согласии, и были вполне счастливы и всякое вторжение извне может изменить их жизнь отнюдь не в лучшую сторону. Поэтому давайте оставаться незримыми свидетелями того, что будет происходить на этом клочке земли, ни в коем разе не вмешиваясь в происходившие события Мы, откровенно говоря, и не в состоянии этого сделать. Мы ведь

по-прежнему сидим в уютных креслах у теплых домашних каминов и, укрывшись пледом, читая эту книгу, не наяву, а мысленно совершили упомянутое выше путешествие. И если мы и узнаем, что произошло на этом острове, то не в качестве участников этого действия, а в ипостаси стороннего наблюдателя. Мы как бы подсмотрим в щелку, ублажая свое любопытство, что же происходит в мире за нашим окном.

Бой барабанов все усиливался. Вдали показалась группа людей. Вернее, это были две группы, образывавшие своеобразные ручейки. Полуобнаженные люди, сильно напоминающие своим внешним видом первобытное племя дикарей, шли друг за другом, спина в спину, растянув таким образом живую цепочку на довольно длинное расстояние. Каждый из участников этого действия — и мужчины, и женщины — непременно что-нибудь нес в руках. И если внимательно присмотреться, то можно было заметить интересную закономерность. Ношей тех, кто шел в одной цепочке, были разделанные и неразделенные тушки всевозможных диких зверей и пернатой дичи, а также готовые блюда, приготовленные из них. Ношей других были всевозможные овощи и фрукты, одним словом, только растительная пища. Обе процессии держались друг от друга на небольшом расстоянии, и за все время пути расстояние это ни разу не

сократилось. Исходя из логики, это было удивительно.

Ведь за все это время на пути процессии встречалось немалое количество всевозможных преград: кустарников, оврагов, огромных стволов поваленных непогодой деревьев. Люди обходили их, вследствие чего строй и дистанция между этими группами людей неминуемо должны были нарушиться. Однако, этого не происходило! Нет, обходя препятствия живые ручейки иногда удалялись один от другого на некоторое расстояние, но ни единого раза не приблизились! Создавалось впечатление, что за всем этим следил какой-то невидимый режиссер, руководивший действием. Впрочем, почему невидимый? Возможно, в одной из групп или даже в каждой был человек, или несколько, кто зорко следил за соблюдением дистанции. Но чего же боялись эти люди?!

Возможно, в одной из групп собрались те, кто был болен проказой или другой заразной болезнью, а остальные из опасения заразиться держались от них подальше? Дальнейшие события, будем надеяться, приоткроют нам завесу тайны над этим вопросом.

Миновав место, которое можно было бы назвать подножием горы, люди начали восхождение к вершине. Пока склон был не слишком крутой, путники шли, как и прежде, с той

лишь разницей, что делать это им теперь было намного сложнее, ведь у каждого в руках была поклажа, которая теперь становилась для них тяжелей. Кто кряхтел, быстро запыхавшись, в основном, это были люди более преклонного возраста, кто начал более учащенно дышать, кто, казалось, вообще не чувствовал усталости (речь идет о молодых и здоровых юношах), но результат был один: каждый шел, увлеченный лишь дорогой и своей ношей, не обращая при этом никакого внимания на других.

Однако были среди этой многочисленной толпы двое, которые о поклаже и дороге думали меньше всего. Один из них шел в одной цепочке, второй — в другой. Тот, что шел среди тех, кто нес живность, был высокий и статный светловолосый юноша. Объектом его внимания среди тех, кто нес дары, выращенные на земле, была смуглая и стройная, с изящной осанкой девушка, которая, в свою очередь, то и дело поглядывала на юношу и посылала ему, так же, как и он ей, какие-то беззвучные, понятные только им двоим, знаки. И хотя никто не обращал на них внимания, все равно делали они это скрытно, стараясь не привлекать своим поведением внимания остальных. Чего же они опасались? Какая, черт возьми, пропасть разделяла эти две группы людей? К чему столько, казалось бы, излишних условностей? Может,

действительно одни из них были прокаженные?

Склон горы становился все круче, растительность вокруг становилась все бедней, все чаще стали попадаться скальные участки, учащенное и тяжелее дышали путники. Вскоре островки зелени остались позади, а впереди возвышались только два высоких каменных пика, венчающих вершину горы. Человек, шедший впереди тех, кто нес живность, поднял руку. Как по мановению волшебной палочки вмиг умолкли барабаны, и обе процессии тут же застыли на месте. Человек, воле которого повелевалась толпа, повернулся и окинул всех властным взглядом. Все пронизывающий его грозный вид из под мохнатых, безобразно торчащих в разные стороны бровей, сквозил торжественностью и величием. Видимо, ему хотелось, чтобы присутствующие от одного только его взгляда прониклись торжественностью момента. Под стать взгляду был и тон его громового голоса, которым он начал оглашать свою речь:

— Славное и гордое племя латумбов! Пришло время великого таинства! Возложить дары к подножию священной горы, в которой обитает божественный дух нашего покровителя, всемогущественного и великого Бога Ла-Тумбы — что может быть для вас, простых смертных, более почетно и желаемо?! — Все одобрительно загудели,

но сразу же приумолкли, понимая, что речь еще не окончена. — Прими, о великий Ла-Тумба, наши подношения! Пусть щедрые дары наши усмирят твой великий и праведный гнев! Ниспошли на нас благодать и удачу! Удачу непременно! Как можно охотнику без удачи? Славное племя охотников, носящих твое имя, о великий Владыка, нуждаются в удаче, в твоём благословении, в твоём покровительстве! Да восхвалим же великого Ла-Тумбу!

Со всех сторон послышались одобрительные возгласы, здравицы в честь своего божества, взоры всех устремились к каменной глыбе, возвышавшейся над их головами. Говоря «всех», автор имел в виду тех, кто пришел сюда с дарами в виде живности. Та группа людей, что держала в руках всевозможные фрукты и овощи, стояла обособленно в стороне, не проронив при этом ни слова. Мало того, при этом все они не только ни разу за это время не взглянули в сторону племени охотников, но даже никто из них не поднял головы. Все исступленно сверлили взглядом землю у своих ног, как бы боясь ненароком взглянуть в сторону тех, кто возносил молитвы своему божеству, чтобы не нарушить тем самым таинство момента. И лишь когда жрец повернулся в их сторону, все дружно вскинули головы. Тот хотя и громко, но уже без особой торжественности в голосе произнес.